

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЕ БОГОСЛОВИЕ И ПОЛЕМИКА

АНТИПАЛАМИЗМ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Х.-Г. БЕКА: РУССКИЕ ИСТОКИ И КАТОЛИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

ЧАСТЬ II

Дмитрий Игоревич Макаров

доктор философских наук
доцент и заведующий кафедрой общих гуманитарных
дисциплин Уральской государственной консерватории
им. М. П. Мусоргского (Екатеринбург)
профессор библейско-богословской кафедры
Екатеринбургской духовной семинарии
620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 26
dimitri.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д. И. Антипаламизм в раннем творчестве Х.-Г. Бека: русские истоки и католические параллели. Часть II // Библия и христианская древность. 2020. № 4 (8). С. 101–117. DOI: 10.31802/BCA.2020.8.4.005

Аннотация

УДК 27-144.7 (27-788-35) (2-674)

Ханс-Георг Бек (1910–1999), крупнейший немецкий византист XX в., прошёл путь от бенедиктинского монаха до мюнхенского профессора, создателя всеобъемлющей концепции истории Византии и византийской культуры. Вопросы истории Церкви и богословия занимали его с первых шагов научной деятельности. Будучи учеником крупнейшего историка схоластики Мартина Грабмана, Бек усвоил томистский взгляд на богословие и потому отрицал реальное различие в Боге сущности и энергий, раскрытое св. Григорием Паламой. Но если в своей первой статье «Борьба за томистское понимание богословия в Византии» (1935) Бек критикует паламизм «извне», с позиций неосхоластики, то в своей светской диссертации о Феодоре Метохите (1952) — уже «изнутри»,

пытаясь доказать несовместимость паламизма с халкидонитским православием. Помимо общих соображений о малой креативности византийского народного духа, Х.-Г. Бек опирается в этом вопросе на идею В. С. Соловьёва (1853–1900) о том, что византийское монашество с ранних веков было заражено монофизитством. Именно поэтому, по мысли Бека, оно и допустило столь «странное» и «антропоморфистское» учение, как паламитский исихазм (эти два явления Бек чётко не разграничивал).

Ключевые слова: Ханс-Георг Бек, свт. Григорий Палама, паламизм, антипаламизм, Владимир Соловьёв, Фома Аквинский, схоластика, томизм, неосхоластика, гуманизм, энергии Божии, халкидонское православие, монофизитство.

Обоснование несоответствия паламизма церковному Преданию: взгляд на историю Церкви сквозь призму «народного духа» и идей Владимира Соловьёва

Итак, согласно Беку, с победой Паламы в 1341 г. и в последующие годы победило и учение прп. Симеона Нового Богослова. Однако эта победа исихастов, по мнению автора, разрушила халкидонское богословие, бывшее до той поры устойчивым и сбалансированным¹. Возражая на это и подобные утверждения, можно ещё раз отметить, что несомненный ярчайший халкидонит прп. Максим Исповедник специально подчёркивал:

«...следует благочестиво исповедовать природы Христа, ипостасью которых Он был, и Его природные энергии, истинным единством которых Он был по обеим природам (курсив наш. — Д. М.)...»².

Утверждения подобного рода при переносе в триадологию «дают» паламизм естественным образом. Но Беку исторические «пути византийского богословия» видятся иными. Он продолжает на той же странице: халкидонское богословие было логическим компромиссом между якобы монофизитски ориентированной доктриной энтузиастов-мистиков из Александрии и логически более трезвым дифизитством Антиохии³. «В лице паламизма победило то течение, которое по существу своему стояло ближе к монофизитству, чем к антиохийцам; догматические же формулировки Паламы согласовать с Халкидоном было совершенно невозможно (курсив наш. — Д. М.)»⁴, ибо учение о различии в Боге сущности и свойств («центральный пункт паламизма», как здесь же отмечает Бек) якобы разрушает «весь понятийный фундамент халкидонских формулировок (т. е. вероопределения. — Д. М.)»⁵. Это новый аргумент по сравнению со статьёй 1935 г. По-видимому, Бек впервые решил атаковать паламизм не с чужих

1 Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 131.

2 *Maximus Confessor. Ambigua ad Thomam* 5. Рус. пер.: Максим Исповедник, прп. Трудности к Фоме (*Ambigua ad Thomam*); Трудности к Иоанну (*Ambigua ad Iohannem*) / пер. с др.-греч. Д. А. Черноглазова и А. М. Шуфрина; науч. ред., предисл. и комм. Г. И. Беневица. М., 2019. (Византийская философия; т. 18. Smaragdus Philocalias). С. 204.

3 Из этого замечания ясно, что Бек не видит и не приемлет параконсистентной логики, присущей византийскому богословию, о которой вообще стало возможно говорить лишь в XXI в. См.: Логика и онтология в византийской богословской полемике / под ред. Д. С. Бирюкова и В. М. Лурье. СПб., 2020.

4 Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 131.

5 Ibid.

для него — томистских — позиций, а на собственно византийской территории. Но приведённый им довод идёт в старом русле. В самом деле, разве воля и энергия — не естественные *свойства* разумной природы, о чём можно прочесть в богословско-полюемических трудах того же св. Максима? Вопрос же о преемственности между деяниями Шестого Вселенского Собора и актами паламитских поместных соборов XIV в. был разобран в специальной работе Ж.-К. Ларше и получил положительное решение⁶.

«Примечательно, — распространяется Бек, — что паламиты и не подозревали о данном противоречии; и уже одно это обстоятельство доказывает, в сколь ничтожно малой степени византийцы тогда усвоили халкидонскую христологию»⁷.

Вряд ли эта тирада что-либо доказывает, ведь в ней отсутствует логическое и догматическое сопоставление триадологии IV Вселенского Собора с соответствующим учением свт. Григория Паламы. А столь беглое сопоставление *триадологии* (учения об энергиях) и *халкидонской христологии* — занятие, которое в истории византийской соборной мысли более ассоциируется с Сотирихом Пантевгеном, а не со св. Николаем Мефонским, бывшим, кстати, одним из «паламитов до Паламы»⁸.

Описав кризис в системе взглядов Метохита как византийско-го учения о Промысле, так и имперской же доктрины икумены⁹, Бек затем присовокупляет вышеприведённые рассуждения о паламизме

6 Ларше Ж.-К. Исихазам и Шести Васельенски Сабор. Има ли Паламистичко Богословље о Божанским енергијама основу у VI Васельенском Сабору? // Свети Григорије Палама у историји и садашности. Врњачка Бања, 2001. С. 67–81.

7 Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 131.

8 На чём сделан акцент и в нашей публикации: Makarov D. The Holy Spirit as Life and Energy. The Treatment of Athanasius' *Ad Serapionem* I, 20–21 in the Late Thirteenth Century and Its Implications for the Hesychast Controversy // Byzantion. 2010. Vol. 80. P. 197–246; в частности, 213–214.

9 Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 86–87, 91, 93, 95, 109–112, 129. Ср. о тех же темах в мысли Метохита — и Ибн Хальдуна (XIV в.): Shawcross Th. Theories of Decline from Metochites to Ibn Khaldūn // The Cambridge Intellectual History of Byzantium / ed. by A. Kaldellis, N. Siniosoglou. Cambridge, 2017. P. 615–632; в частности, 621–623. Метохитовской Тихе соответствует эймармена у Плифона (*Hunger H. Besprechung von: Beck H.-G. Theodoros Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46 (1). S. 123–127; в частности, 126*). Что касается кризиса имперской идеи, в этом современная наука согласна с Беком. См., например: «Таким образом, по мере приближения к концу византийской истории значимость империи драматическим образом сходит на нет» (*Guran P. Eschatology and Political Theology in the Last Centuries of Byzantium // Revue des études sud-est européennes. 2007. Vol. 45 (1–4). P. 73–85; в частности, 85*).

и халкидонитстве, чтобы задаться вопросом: были ли эти крамольные мысли изобретением Великого логофета или подспудно существовали в византийской культуре и до него?¹⁰

Мы чуть позже вернёмся к попыткам Бека ответить на поставленный им самому себе вопрос. А пока констатируем, что едва намеченная немецким учёным теория о византийском «монофизитстве» восходит, оказывается, к Владимиру Соловьёву! Точнее, к одной его фразе о монофизитстве, якобы имевшем место в образе молитвы византийцев¹¹. Речь идёт о рассуждении Соловьёва:

«Если мы вспомним два главных направления христологической ереси — несторианское разделение естеств и монофизитское поглощение человеческого естества божеским, — то можем сказать, что светское общество Византии страдало *практическим несторианством*, а монашество страдало *практическим монофизитством* (курсив автора. — Д. М.). И те и другие возвращались к древней восточной идее бесчеловечного Бога. Под знаменем этой идеи выступает магометанство. Скрытый грех христианского Востока становится здесь явным, но это и есть историческое оправдание мусульманства... Восточные христиане потеряли то, в чём не были христианами, — независимость политической и общественной жизни»¹².

10 Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 133.

11 Бек не даёт точной ссылки на труд/-ы Соловьёва: Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 138, Anm. 4. См. следующее примеч.

12 Соловьёв В. С. Великий спор и христианская политика. Гл. 3: Христианство и реакция восточного начала в ересях. Смысл мусульманства // Соловьёв В. С. Собрание сочинений. В 10 т. / под ред. и с примеч. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 4. С. 47. К. В. Мочульский расценивает подобного рода воззрения как чистое умозрение и продолжает: «У него (Соловьёва. — Д. М.) была столь же субъективная и неоправданная вражда к Византии, как у Достоевского к католичеству. Происхождение мусульманства из “греха” восточного христианства — эффектная, но совершенно фантастическая гипотеза» (Мочульский К. В. Владимир Соловьёв: жизнь и учение. Париж, 1936. Гл. 9. Церковно-общественная работа. Разрыв с славянофилами. Национальный и еврейский вопрос. URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/09.html>). С точки зрения патологии, позиция Соловьёва также не выдерживает критики, поскольку уже Жозеф Лебон показал в своём классическом труде, что лишь евтихианство было «полномасштабным» монофизитством, тогда как севирианство — основная традиция монофизитов — может считаться таковым только номинально, поскольку оно так же выступает против грубого смешения двух природ Богочеловека Христа, как и св. Кирилл Александрийский (Lebon J. Le monophysisme sévérien. Étude historique, littéraire et théologique sur la résistance monophysite au concile de Chalcedoine jusqu'à la constitution de l'église jacobite. Lovanii, 1909. P. XXII–XXIV et suiv.). Но Соловьёв, судя по контексту, имел в виду как раз севириан и халкидонитов (которых он, видимо, отождествлял с севирианами).

Сравним с этим построением ход рассуждения Бека:

«То самое *монофизитство* (курсив наш. — Д. М.), которое было запрещено и осуждено православно-имперским Собором в Халкидоне, оставалось, несмотря на это осуждение, мощной силой не только на Востоке и в Египте — им была пронизана и собственно византийская религиозность, в которой человеческий Лик Христа резко отодвигается на задний план, а на передний план гораздо более явственным образом выходит Божественный Пантократор¹³. Равновесие между Божественной и человеческой природами во Христе — то, к чему стремился Халкидон — было в ней поставлено под угрозу»¹⁴.

Из положительных сторон культурно-исторического *бытия* и *облика* Византии (т. е. как из развития в целом, так и из его некой обобщённой эмблемы) Бек выделяет энтузиазм пневматиков (некоторые из них боролись с монофизитством) и подвиг юродивых¹⁵. Такая переоценка

- 13 Ср. «гуманистическую» интерпретацию синайской иконы с «играющим» Младенцем Христом («Богородица на престоле с пророками и святыми», Синай, монастырь св. Екатерины, ок. 1100 г.) в книге: *Mathews Th. F. The Art of Byzantium: Between Antiquity and the Renaissance*. London, 1998. (Everyman Art Library). P. 12. Сама икона воспроизведена на Р. 13 и на обложке книги. На мой взгляд, Мэтьюз опровергает теорию Бека о сугубой иератичности Лица Христа в византийской иконописи и храмовой росписи.
- 14 *Beck H.-G. Theodoros Metochites*. S. 138. По сути, эти мысли восходят к умозрениям Соловьёва (например, «Об упадке средневекового миросозерцания», 1891) и Бердяева («Смысл творчества», 1916) о «несостоятельности исторического христианства», применительно к поздней Византии повторённым в рамках «чёрного мифа» не только марксистами, но и, например, Сетницким и Горским (см.: *Макаров Д. И. Лекции по поздневизантийской патрологии XIII–XIV вв. Лекция 1. Введение // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2017. Вып. 3 (19). С. 233–255). Мы видим здесь любопытный пример негативного воздействия русской философии Новейшего времени на европейскую византинистику. Ничего удивительного — то же негативное отношение к Византии даёт о себе знать и в ранней эссеистике Мигеля де Унамуно (1864–1936), человека глубоко средневекового по складу мысли и личности. Испанский мыслитель говорит о «византийской ущербности» как о чём-то само собой разумеющемся (*Унамуно М., де. История бумажных птичек [1888] // Унамуно М., де. Избранное в двух томах / пер. с исп. В. Михайлова*. Ленинград, 1981. Т. 2. С. 194–201; в частности, 200). Такого рода оценки характерны для атмосферы ранних бековских лет. Подобный же пессимистический взгляд на земную историю христианства (преимущественно западного), которое «редко возносилось на духовный уровень своих ранних общин», выражен и в одном из лучших сборников эссе XX в. — «Земле Ульро» Чеслава Милоша (1977) (*Милош Ч. Земля Ульро / пер. с польск. Н. Кузнецова*. СПб., 2018. С. 431–432). Согласно Господню речению, *невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18, 27).
- 15 *Beck H.-G. Theodoros Metochites*. S. 143. В качестве примера юродивого приводится Михаил Италик (XII в.), мыслитель, действительно порой балансировавший на грани ереси. Тема юродства отмечается и Хунгером в его рецензии (*Hunger H. Besprechung von: Beck H.-G. Theodoros Metochites*. S. 127).

к лучшему коррелирует с соображениями части авторов современного интеллектуального романа. К примеру, говоря об интеллектуальной родословной главного героя, Матиас Энар в «Компасе» (2015) упоминает *восточных (византийских) юродивых, дон кихотов и востоковедов*. Эта переоценка материала одним из ведущих современных писателей-интеллектуалов является знаковой¹⁶.

Возникает закономерный вопрос: объективно ли автор излагает исторические факты или ему просто надо подвести базу под свою концепцию «кризиса византийской картины мира в XIV веке»? Не является ли само это понятие частью выработанного публицистами (пусть и от философии) «чёрного мифа» о Византии? И столь ли уж всеобщим был этот кризис?

Ведь как работает Бек? Основной его постулат близок *органицистской теории общества* изучаемого им Метохита — Византия была живым и изменяющимся организмом¹⁷. В поздней Византии накапливались кризисные моменты. И вот историк *вскрыл такой момент кризиса в мировоззрении Метохита*, действительно, весьма противоречивом. Это даёт ему право констатировать: «Религиозные основы его мировоззрения иные, нежели у православия...»¹⁸. Бек продолжает: «И если вкратце: классическая византийская картина мира, доставшаяся Метохиту

- 16 «Надо бы переоборудовать эту башню (во дворе Венского университета. — Д. М.) в музей безумия и начать выстраивать экспозицию от восточных святых безумцев во Христе, дон кихотов и немалочисленной компании востоковедов. Музей слияния и незаконного смешения» (*Энар М. Компас* [2015] / пер. с франц. И. Я. Волевич, Е. В. Морозовой. М., 2018. (Большая книга). С. 448; ср. С. 418). Подобного рода идеи не первый год носятся в воздухе — вспомним старую шутку Я. Н. Любарского (1929–2003) о чаемом к изданию журнала «Zeitschrift für Psychopathologie und Byzantinistik».
- 17 В то же время византинист восстаёт против вульгарного биологизма (который в Германии тех лет был представлен романами Франка Тисса [1890–1977] «Царство демонов» (1941), о придворном мире Юстиниана I, и «Греческие императоры»), против перенесения законов жизни животных на явления культуры и искусства (*Beck H.-G. Theodoros Metochites*. S. 146). См. там же прямую ссылку на теорию циклов исторического развития цивилизаций в духе Шпенглера или Тойнби. Упоминание о Тиссе см.: *Шрайнер П.* Византия сегодня: определение места ушедшего мира // *Античная древность и Средние века*. 2019. Вып. 47. С. 248–256; в частности, 250. Судя по заголовку первого романа, Тисс, опираясь, по-видимому, на «Тайную историю» Прокопия, живописал чёрными красками историческое бытие юстиниановской Византии.
- 18 *Beck H.-G. Theodoros Metochites*. S. 116. К вопросу о справедливости этого суждения см. наши раздумья в: *Макаров Д. И.* Феодор Метохит: между золотым руном античности и Итакой модерна // *Феодор Метохит*. Слово о нравственных проблемах, или Об образованности / вступ. ст. и пер. с среднегреч. Д. И. Макарова; комм. Д. И. Макарова и Я. Полемиса. СПб., 2020. (Paradeigmata Byzantina; т. 1). С. 7–26.

в наследство от усвоенной им традиции, приходит у него в состояние отчётливо воспринимаемого кризиса»¹⁹.

Что же далее? А далее Бек начинает экстраполировать эту кризисность на ряд «концентрических кругов» византийской культуры. В последних двух главах книги он заводит речь о кризисе византийской высокой литературы (которую высмеивали простолюдины), о кризисе имперской идеи и императорской политики и даже о кризисе идеи патриотизма в эпосе («Дигенис Акрит»). В последнем Беку видится влияние арабского магизма (здесь явно ощущается Шпенглер с его понятием о «магической душе» Востока). В этом ряду проявлений кризиса автор рассматривает и исихазм с паламизмом, а шире (как мы видели в разделе 3) — византийское постхалкидонское православие вообще. Не проводя сейчас сравнения воззрений Бека с концепциями Ж. Лебона и других столпов католической церковной историографии XX в., отметим, что в данном случае немецкий историк транслирует уже сформировавшийся к его поре штамп этой историографии.

В фигуре Метохита сталкиваются, причудливо переплетаясь, официальная и неофициальная (юродствующая) составляющие византийской культуры. Их противоборство отныне не удаётся завуалировать, и оно выходит на поверхность²⁰. Разумеется, классический образ мира в сознании интеллектуалов доминировал. Однако и критика сложившегося порядка вещей, начиная с XIV в., была не побочным продуктом объективного духа византийской культуры, а принадлежала к её базовому слою²¹. Через несколько лет этот вывод предстояло углубить Игорю Шевченко в одной из самых известных своих статей:

«...интеллектуалы поздней Византии, как и их коллеги во все времена, были наиболее сильны в критике, предостережении и прогнозировании; менее удачливы при определении причин событий и при внесении конструктивных предложений. Но они не были слепы»²².

Влияние Бека на эти соображения мне кажется более чем вероятным. Но вернёмся к историческому мышлению самого Бека. Если две культуры в Византии — подпольная и официальная — находились в состоянии перманентной оппозиции друг другу, то чем выступало (или

19 Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 116.

20 Ibid. S. 143.

21 Ibid. S. 143–144.

22 Ševčenko I. The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of its Intellectuals // *Dumbarton Oaks Papers*. 1961. Vol. 15. P. 169–186, p. 186.

где крылось) то объединяющее их начало, манифестациями которого они обе выступали?

Чтобы мы смогли трактовать исторические факты, наши воззрения на то, что происходило в Средние века, должны быть укоренены в народных организмах²³. Итак, гердеровско-гегелевский *народ* выступает у немецкого византолога основной движущей силой истории... У византийцев, продолжает Бек, было превалирующее чувство долга перед великим наследием. Миг, когда пробилось подлинное чувство *своего*, стал началом конца²⁴. Итак, Византия — организм без своего, греки без самобытного греческого духа, «полугреки». Здесь чувствуются отголоски просвещенческой и гегелевской²⁵ оценок средневековых греков и греков раннего Нового времени как якобы отсталого народа по сравнению с их западноевропейскими собратьями.

Бек продолжает: «Он (индивидуальный дух византийцев. — Д. М.) создал собственный объективный дух, интенциональные объекты которого²⁶ находились вне классики. А где же?» *В реакции на классику!*²⁷

Опираясь на мнение Якоба Буркхардта об упадке человеческих черт в искусстве времени Константина Великого, учёный ведёт речь о катастрофе *в подсознании* позднеантичных людей²⁸. Так обнаруживается его знакомство с Фрейдом, которое, боюсь, мало помогло делу уяснения базовых черт византийской культуры, ибо доказать что-то подобное для позднеантичных людей на уровне подсознания крайне сложно, а обращения раннего Бека к школе Анналов, находившейся тогда в стадии становления и разработки собственных методологических принципов, мы не видим.

Итак, вынося приговор византийскому духу как таковому и его православным истокам, Бек отказывает византийской духовной культуре в чертах медиевальности, или новизны. На его взгляд, происходившее в XIV в. было соперничеством-подражанием культуре позднеантичной, то есть не чем иным, как своего рода затянувшимся эдиповым комплексом.

Теперь вспомним текст перед примечанием 3 — тот текст Бека, которым и открывалось настоящее исследование. Разве можно как-то

23 Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 146.

24 Ibid. S. 146.

25 Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. / под ред. и с прим. М. Лифшица. М., 1968. Т. 1. С. 280.

26 Употребление этого понятия показывает осведомлённость Бека в различных теориях интенциональности как в средневековых, так и, по-видимому, в современной ему гуссерлианской.

27 Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 145.

28 Ibid.

убедительно проверить и доказать столь широкомасштабное умозаключение? Как мы будем мерить этот индивидуальный дух в каждом конкретном случае, какими критериями? Допустим, св. Иоанн Дамаскин — формалист, но разве в нём не живёт духовная и творческая сила от Бога? А может быть, она в нём живёт *кенотически*, как и вообще в святых, незаметно для постороннего глаза?

По поводу интересующего нас вопроса — отграничения собственно *византийского* как такового, Хунгер дипломатично замечает в рецензии: «Таким образом, перед нами предстаёт поистине непростой вопрос о более точном *отграничении* (Umgrenzung) *собственно византийского* (курсив наш. — Д. М.) — вопрос, над окончательным разрешением которого, вероятно, ещё будут работать целые поколения византинистов»²⁹.

Австрийский коллега обратил внимание и на то, что последняя глава «Византийский разлом» — «наиболее волнующая» и в то же время наиболее гипотетическая во всей книге³⁰. Если в дополнение к этому вспомнить известную мысль Г. В. Флоровского о разломах русской культуры и строку Михаила Кузмина: «Вновь цело то, что расколото», нетрудно убедиться, что перед нами — одна из центральных проблем культурологии как таковой. Тем не менее, думается, и невзирая на этот разлом палеологовская Византия смогла явить миру много уникального.

Подчеркнув, что *исихасты* и *паламиты* были противниками рационалистического гуманизма, Бек повлиял на формирование в мировой науке оппозиции между исихазмом и гуманизмом как центральной для понимания поздневизантийской культуры. Именно для обоснования мысли о противостоянии в Византии монахов и гуманистов уже во времена Метохита, т. е. в первой трети XIV ст., на эту книгу ссылается прот. И. Ф. Мейендорф в своём труде о Паламе, также ставшем эпохальным³¹. Объединяющим звеном и между этими двумя великими учёными-христианами выступает вопрос о гуманизме, причём в его подчёркнуто теоцентрическом аспекте³².

29 *Hunger H. Besprechung von: Beck H.-G. Theodoros Metochites. S. 126.*

30 *Ibid.*

31 *Мейендорф И., прот. Жизнь и труды св. Григория Паламы. Введение в изучение / пер. с фр. Г. Н. Начинкина; под ред. И. П. Медведева и В. М. Лурье. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1997. (Subsidia Byzantinorossica; т. 2). С. 25; ср. 26.*

32 По удачной формулировке С. С. Хоружего, «...антропоцентризм — это принцип, который в христианстве подчинён высшим принципам теоцентризма и христоцентризма» (*Хоружий С. С. Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань, 2016. С. 188*).

Вместо заключения: метафизика энергий как ресурс для византиноведения, философии и богословия будущего

Безвременно ушедший А. Г. Черняков (1951–2010 гг.) однажды высказался совершенно определённым образом: «В качестве неизвестного Хайдеггеру ресурса нас интересует сейчас метафизика восточного христианства»³³.

В этом плане Бек, на первый взгляд, — это анти-Хайдеггер»: крупнейший³⁴ в Германии XX в. специалист по византийской патристике, в том числе и по паламизму как одному из наиболее дискутируемых её феноменов. И тем не менее можем ли мы сказать, что *известность* этого богословия Беку явилась причиной его совершенного понимания и истолкования со стороны замечательного учёного? Возьмём хотя бы тезис о противоположности паламизма Халкидонскому догмату (см. первый раздел данной части статьи). Мы уже видели (см. раздел «Анализ паламизма с позиций неосхоластики» в первой части статьи), что доминирующая *тональность* мирозерцания Бека была иной — и как раз той схоластикой, от которой небезуспешно попытался избавиться Хайдеггер. Кто из них стоит ближе к патристике — вопрос и поныне спорный. А пока что представляется возможным констатировать: Бек примыкает к тем философам и теологам Запада, которые уже в Новое и Новейшее время «... постепенно и тщательно переговаривали язык высокой схоластики...»³⁵.

Сказанное можно пояснить в виде двух таблиц.

Табл. 1. Декларируемое отношение Хайдеггера и Бека к патристике, схоластике и фундаментальной онтологии (ФО)

Имя	Патристика	Схоластика	ФО
Хайдеггер	–	–	+
Бек	+	+	–?

Таким образом, по видимости Бек — это анти-Хайдеггер (по крайней мере, в ранних его работах, о которых идёт речь, нет не то что восторженных, но даже и вообще хоть каких-либо упоминаний Хайдеггера,

33 Черняков А. Хайдеггер и персонализм русского богословия // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / под ред. Н. С. Плотникова, А. Хаардта и В. И. Молчанова. М., 2007. С. 139–148; в частности, 143.

34 С которым можно сопоставить, пожалуй, только кардинала Алоиса Грильмайера, члена Общества Иисусова.

35 Черняков А. Хайдеггер и персонализм русского богословия. С. 147.

что благоприятствует данной нами в таблице интерпретации отношения Бека к этому мыслителю).

Но присмотримся ко второй таблице.

Табл. 2. Внутреннее понимание (гносис) Хайдеггером и Беком патристики, схоластики и ФО

Имя	Патристика	Схоластика	ФО
Хайдеггер	–	+ ³⁶	+
Бек (ранний)	+ в целом/ – паламизм ³⁷	+	+ ^{38?}

Таким образом, на глубинном уровне Бек и Хайдеггер скорее совпадают. Оба они — выходцы из той культурной и духовной среды, что уже весьма и весьма отдалилась от Византии.

Впрочем, неприятие паламизма — черта вовсе не одного Бека и отнюдь не только немецкой или французской католической историографии. Не менее впечатляет и неприязненное отношение к паламизму М. Я. Сюзюмова³⁹, учёного, также далёкого от православной среды. Всё больше аргументов склоняют нас к мысли о том, что для понимания паламизма церковность — не пустой звук...

В силу своей яркости, эвристичности, богатства приводимых культурно-исторических данных и ассоциаций, а также конкретно-исторических и типологических параллелей рассматриваемым явлениям, книга Бека стала одной из прорывных работ в мировом византиноведении XX в. Она обнажила как сильные, так и более спорные стороны католического неосхоластического византиноведения второй трети XX в. Сам же Бек уже в 50-е годы вырос до масштабов «немецкого Жюжи», оказав влияние на протоиерея И. Мейендорфа, И. Шевченко и иных корифеев

36 Учитывая диссертацию о Дунс Скоте и ряд других общеизвестных фактов.

37 Согласно предлагаемой нами интерпретации отношения Бека к паламизму как важнейшей части патристики (с православной позиции) и к тому, что патристикой не является (согласно традиционной католической позиции до решения папы Павла VI от 1971 г.).

38 Это опять же допущение: трудно предположить, чтобы Бек, с его интеллектом и склонностью к отвлечённому умозрению, не смог осмыслить важнейшие положения системы Хайдеггера. Видимо, его неодобрительное отношение к этой системе и явилось причиной молчания о ней в ранних работах. В логической записи: мы считаем верной конъюнкцию $p \wedge \neg q$, где p — «Бек знал фундаментальную онтологию Хайдеггера», а q — «Бек одобрял фундаментальную онтологию Хайдеггера».

39 В письме к И. П. Медведеву от 1.12.1968 (*Куц Т. В.* «Чтобы не рассыпалась наша свердловская семейка византинистов»: письма М. Я. Сюзюмова к И. П. Медведеву // *Античная древность и Средние века.* 2015. Вып. 43. С. 10–39; в частности, 17).

науки. По-видимому, и сегодня в немецкой (да и русской, и европейской в целом) византистике многое определяется его влиянием. И дело здесь не только в эрудиции: Бек *чувствует* свой предмет и детально его *осмысляет*. Хотя это не всегда ведёт к бесспорности даваемых им оценок (всегда зависящих от той или иной конкретной точки зрения), сама процедура научного поиска и осмысления той или иной проблемы (в нашем случае — паламизма) приближается к взыскуемому византийцами, славянофилами и Вл. Соловьёвым акту *цельного знания*.

Источники

- Beck H. Der Kampf um den thomistischen Theologiebegriff in Byzanz // Divus Thomas. 1935. Bd. 13. S. 3–22.
- Beck H.-G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München: C. H. Beck, 1952.
- Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон+, 1994. (История философии в памятниках и документах).
- Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. / под ред. и с прим. М. Лифшица. М.: Искусство, 1968. Т. 1.
- Максим Исповедник, *прп.* Трудности к Фоме (Ambigua ad Thomam); Трудности к Иоанну (Ambigua ad Iohannem) / пер. с др.-греч. Д. А. Черноглазова и А. М. Шуфрина; науч. ред., предисл. и комм. Г. И. Беневица. М.: Эксмо, 2019. (Византийская философия; т. 18. Smaragdus Philocalias).
- Соловьёв В. С. Великий спор и христианская политика. Гл. 3: Христианство и реакция восточного начала в ересях. Смысл мусульманства // Соловьёв В. С. Собрание сочинений. В 10 т. / под ред. и с примеч. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1911–1914. Т. 4. С. 30–48.

Литература

- Куц Т. В. «Чтобы не рассыпалась наша свердловская семейка византистов»: письма М. Я. Сюзюмова к И. П. Медведеву // Античная древность и Средние века. 2015. Вып. 43. С. 10–39.
- Ларше Ж.-К. Исихазам и Шести Васельенски Сабор. Има ли Паламистичко Богословље о Божанским енергијама основу у VI Васельенском Сабору? // Свети Григорије Палама у историји и садашњости. Врњачка Бања: Духовна академија светога Василија Острошког у Србињу, 2001. С. 67–81.
- Макаров Д. И. Лекции по поздневизантийской патрологии XIII–XIV вв. Лекция 1. Введение // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 3 (19). С. 233–255.
- Макаров Д. И. Феодор Метохит: между золотым руном античности и Итакой модерна // Феодор Метохит. Слово о нравственных проблемах, или Об образованности /

- вступ. ст. и пер. с среднегреч. Д. И. Макарова; комм. Д. И. Макарова и Я. Полемиса. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. (*Paradeigmata Byzantina*; т. 1). С. 7–26.
- Мейендорф И., прот. Жизнь и труды св. Григория Паламы. Введение в изучение / пер. с фр. Г. Н. Начинкина; под ред. И. П. Медведева и В. М. Лурье. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Византинороссика, 1997. (*Subsidia Byzantinorossica*; т. 2).
- Милош Ч. Земля Ульро / пер. с польск. Н. Кузнецова. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2018.
- Мочульский К. В. Владимир Соловьёв: жизнь и учение. Париж, 1936. Гл. 9. Церковно-общественная работа. Разрыв с славянофилами. Национальный и еврейский вопрос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/09.html> (дата обращения 29.03.2020).
- Унамуно М., де. История бумажных птичек // Унамуно М., де. Избранное в двух томах / пер. с исп. В. Михайлова. Ленинград: Художественная литература, 1981. Т. 2. С. 194–201.
- Хоружий С. С. Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань: Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), 2016.
- Черняков А. Хайдеггер и персонализм русского богословия // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / под ред. Н. С. Плотникова, А. Хаардта и В. И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007. С. 139–148.
- Шрайнер П. Византия сегодня: определение места ушедшего мира // Античная древность и Средние века. 2019. Вып. 47. С. 248–256.
- Энар М. Компас / пер. с франц. И. Я. Волевич, Е. В. Морозовой. М.: Иностранка, 2018. (Большая книга).
- Guran P. Eschatology and Political Theology in the Last Centuries of Byzantium // *Revue des études sud-est européennes*. 2007. Vol. 45. P. 73–85.
- Hunger H. Besprechung von: Beck H.-G. Theodoros Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert // *Byzantinische Zeitschrift*. 1953. Bd. 46 (1). S. 123–127.
- Lebon J. Le monophysisme sévérien. Étude historique, littéraire et théologique sur la résistance monophysite au concile de Chalcédoine jusqu'à la constitution de l'église jacobite. Lovanii: Excudebat Josephus van Linthout, 1909.
- Makarov D. The Holy Spirit as Life and Energy. The Treatment of Athanasius' *Ad Serapionem* I, 20–21 in the Late Thirteenth Century and Its Implications for the Hesychast Controversy // *Byzantion*. 2010. Vol. 80. P. 197–246.
- Mathews Th. F. The Art of Byzantium: Between Antiquity and the Renaissance. London: George Weidenfeld and Nicholson, 1998. (Everyman Art Library).
- Ševčenko I. The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of Its Intellectuals // *Dumbarton Oaks Papers*. 1961. Vol. 15. P. 169–186.
- Shawcross Th. Theories of Decline from Metochites to Ibn Khaldūn // *The Cambridge Intellectual History of Byzantium* / ed. by A. Kaldellis, N. Siniossoglou. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 615–632.

Anti-Palamism in Hans-Georg Beck's Earlier Works: The Russian Origins and Some Catholic Parallels

Part II

Dmitry I. Makarov

Doctor of Philosophy

Associate Professor and head

of the Department of General Humanities at the Urals

Mussorgsky State Conservatoire (Yekaterinburg)

Professor at the Department of Bible and Theology

at the Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary

Av. Lenina 26, Yekaterinburg 620014, Russia

dimitri.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Dmitry I. "Anti-Palamism in Hans-Georg Beck's Earlier Works: The Russian Origins and Some Catholic Parallels. Part II." *Bible and Christian Antiquity*, № 4 (8), 2020, pp. 101–117 (in Russian). DOI: 10.31802/BCA.2020.8.4.005

Abstract. Hans-Georg Beck (1910–1999), the most outstanding 20th-century German Byzantinist, has gone a long way from a Benedictine monk to professor in Munich, a creator of a comprehensive conception of Byzantine general and cultural history. The problems of ecclesiastical history and theology were in the center of his scientific activity from its first steps on. As a student of Martin Grabmann, a prominent historian of Western scholasticism, Beck appropriated the Thomist view of theology. That is why he denied the real distinction between essence and energies in God, which had been disclosed and analyzed by Gregory Palamas. If in his first 1935 article, *The Struggle for the Thomist Concept of Theology in Byzantium*, Beck criticized Palamism «from outside», i. e., from the neoscholastic viewpoint, it was later then, in his secular thesis of 1952, that the German scholar tried to censure the Palamite doctrine «from inside» by making the case of its incompatibility with the Chalcedonian Orthodoxy. Besides some general considerations about a putative barrenness of the Byzantine folk spirit (*Volksgeist*), in the question of Chalcedonian Orthodoxy and its survival in the Late Byzantium Beck leaned on Vladimir Solov'ev's (1853–1900) idea of Byzantine monasticism as being infected from the early stage on with the Monophysitism. Making no clear-cut distinction between Hesychasm in general and Palamism as its most elaborated form, Beck saw in this Monophysite infection the very reason of the Palamite hesychasm being tolerated, accepted and officially stated by the Byzantine Orthodoxy, although it had been a very 'strange' and 'anthropomorphic' teaching.

Keywords: St. Gregory Palamas, Hans-Georg Beck, Palamism, anti-Palamism, Thomas Aquinas, scholasticism, divine energies, Vladimir Solov'ev (Soloviev), Thomism, neoscholasticism, humanism, Chalcedonian Orthodoxy, monophysitism.

References

Beck H. (1935) "Der Kampf um den thomistischen Theologiebegriff in Byzanz". *Divus Thomas*, vol. 13, pp. 3–22.

- Beck H.-G. (1952) *Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert*. München: C. H. Beck.
- Bergson A. (1994) *Dva istochnika morali i religii* [Two Sources of Morality and Religion], in A. B. Gofman (ed.). Moscow: Kanon+ (Istorija filosofii v pamjatnikah i dokumentah) (in Russian).
- Chernjakov A. (2007) "Hajdeger i personalizm ruskogo bogoslovija" ["Heidegger and Personalism of Russian Theology"], in N. S. Plotnikov, A. Haardt, V. I. Molchanov (eds.) *Personal'nost'. Jazyk filosofii v russko-nemeckom dialoge* [Personality. The Language of Philosophy in Russian-German Dialogue]. Moscow: Modest Kolerov, pp. 139–148 (in Russian).
- Chernoglazov D. A., Shufrin A. M., Benevich G. I. (eds.) (2019) *Maksim Ispovednik, prp. Trudnosti k Fome (Ambigua ad Thomam); Trudnosti k Ioannu (Ambigua ad Iohannem)* [St. Maxim the Confessor. Difficulties for Thomas (Ambigua ad Thomam); Difficulties for John (Ambigua ad Iohannem)]. Moscow: Eksmo (Vizantijskaja filosofija; 18. Smaragdus Philocalias) (in Russian).
- Ėnard M. (2018) *Kompas* [Compass], I. Ja. Volevich, E. V. Morozova (eds.). Moscow: Inostranka (Bol'shaja kniga) (in Russian).
- Guran P. (2007) "Eschatology and Political Theology in the Last Centuries of Byzantium". *Revue des études sud-est européennes*, vol. 45, pp. 73–85.
- Hegel G. W. F. (1968) *Estetika. V 4 t.* [Aesthetics. In 4 Volumes], in M. Lifshic (ed.). Moscow: Iskusstvo, vol. 1 (in Russian).
- Horuzhij S. S. (2016) *Socium i sinergija: kolonizacija interfejsa* [Society and Synergy: Colonizing the Interface]. Kazan: Kazanskij innovacionnyj universitet im. V. G. Timirjasova (IEUP) (in Russian).
- Hunger H. (1953) "Besprechung von: Beck H.-G. Theodoros Metochites: Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert". *Byzantinische Zeitschrift*, vol. 46, pp. 123–127.
- Kushch T. V. (2015) "Chtoby ne rassypalas' nasha sverdlovskaja semejka vizantinistov': pis'ma M. Ja. Sjuzumova k I. P. Medvedevu" ["So That Our Sverdlovsk Family of Byzantinists Does Not Fall Apart": Letters from M. Ya. Syuzumov to I. P. Medvedev"]. *Antiquity and the Middle Ages*, issue 43, pp. 10–39 (in Russian).
- Larchet J.-C. (2001) "Isihazam i Shesti Vaseljenski Sabor. Ima li Palomistichko Bogoslovlje o Bozhanskim energijama osnovu v VI Vaseljenskom Saboru?" ["Hesychasm and the Sixth Ecumenical Council. Does Palamistic Theology on Divine Energies Have a Basis in the VI Ecumenical Council?"]. *Sveti Grigorije Palama v istoriji i sadashnjosti* [Saint Gregory of Palamas in History and the Present]. Vrnjačka Banja: Duhovna akademija svetoga Vasilija Ostroshkog v Srbiju, pp. 67–81 (in Serbian).
- Makarov D. (2010) "The Holy Spirit as Life and Energy. The Treatment of Athanasius' *Ad Serapionem* I, 20–21 in the Late Thirteenth Century and Its Implications for the Hesychast Controversy". *Byzantion*, vol. 80, pp. 197–246.
- Makarov D. I. (2017) "Lekcii po pozdnevizantijskoj patrologii XIII–XIV vv. Lekcija 1. Vvedenie" ["Lectures on the Late Byzantine Patrology of the XIII–XIV Centuries. Lecture 1. Introduction"]. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, issue 3 (19), pp. 233–255 (in Russian).
- Makarov D. I. (2020) "Feodor Metohit: mezhdu zolotym runom antichnosti i Itakoj moderna" ["Theodore Metohit: Between the Golden Fleece of Antiquity and Ithaca Modern"],

- in D. I. Makarov, Ja. Polemis (eds.) *Feodor Metohit. Slovo o npravstvennyh problemah, ili Ob obrazovannosti* [*Theodore Metohit. A Word About Moral Problems, or About Education*]. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin (Paradeigmata byzantina; 1), pp. 7–26 (in Russian).
- Mathews Th. F. (1998) *The Art of Byzantium: Between Antiquity and the Renaissance*. London: George Weidenfeld and Nicholson (Everyman Art Library).
- Mejendorf I. (1997) *Zhizn' i trudy sv. Grigorija Palamy. Vvedenie v izuchenie* [*The Life and Works of St. Gregory Palamas. Introduction to Learning*], in G. N. Nachinkin, I. P. Medvedev, V. M. Lur'e (eds.). Saint-Petersburg: Vizantinorossika (Subsidia Byzantinorossica; 2) (in Russian).
- Milosh Ch. (2018) *Zemlja Ul'ro* [*Land of Ulro*], in N. Kuznecov (ed.). Saint-Petersburg: Izd. Ivana Limbaha (in Russian).
- Ševčenko I. (1961) “The Decline of Byzantium Seen Through the Eyes of Its Intellectuals”. *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 15, pp. 169–186.
- Shawcross Th. (2017) “Theories of Decline from Metochites to Ibn Khaldūn”, in A. Kaldellis, N. Siniosoglou (eds.) *The Cambridge Intellectual History of Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 615–632.
- Schreiner P. (2019) “Vizantija segodnja: opredelenie mesta ushedshego mira” [“Byzantium Today: Determining the Place of a Bygone World”]. *Antiquity and the Middle Ages*, issue 47, pp. 248–256 (in Russian).
- Unamuno M., de (1981) “*Istorija bumazhnyh ptichek*” [“*The History of Paper Birds*”], in V. Mihajlov (ed.) Unamuno M. de. *Izbrannoe v dvuh tomah* [Unamuno M. de. *Selected in Two Volumes*]. Leningrad: Hudozhestvennaja literatura, vol. 2, pp. 194–201 (in Russian).